

Но есть ещё душа меж строчек...

Переводы стихов с болгарского, немецкого, аварского, эвенского, абхазского и других языков

Хайдар БЕДРЕТДИНОВ

Перевод

Название, автор, ритм, подстрочник –
За дело трудное – вперёд!
Бубнит и шепчет полуденник,
Шлифуя грубый перевод.

Словам, потёртым в нашей речи,
Синоним ищет посьбей.
Метафорой крутой подлечит
Несовпадение падежей.

И вот уж мысль в стихах клокочет –
На верном, стало быть, пути.
Но есть ещё душа меж строчек,
А как её перевести?

Пламен ГРИГОРОВ

Икона

Ты говоришь, а я не слышу,
Я лишь икона на стене.
Я только слышу, тени дышат
В ночной холодной тишине.

Я лишь икона церкви этой,
Где только свечи и кресты,
Где столько излучаешь света
Одна единственная – ты!

Я ничего в богах не смыслю,
Слезам не верит красота.
Лишь ты меня уносишь в выси
И возвышаешь до креста

Бездна

А может быть, даже не бездна,
А мысли ничтожной души
Откроется мне и исчезну
Ворота искать не спеша.

В себе – к тёплым образам детства,
К печальям, дарующим свет.
От этого бедствия деться
Мне в жизни возможности нет.

Но если себя открываю
Я солнцу, то крылья горят
Незримо. И я забываю,
Что люди о том говорят.

А память в окошко стучится,
И ангел разводит крыла.
И бездна уже не случится,
Она в моей жизни была.

Подстрочный перевод с болгарского
Веселина Георгиева.
Художественный перевод
Владимира Силкина.

Магомед АХМЕДОВ

Древние башни

На древних башнях пламя разжигают,
Чтобы согреть холодные сердца.
Ты видишь, как века вдали мелькают,
Чтоб осветить жизнь старца и юнца.

Горит огонь. Как на ладонях башни,
Аулы поднимают в царство звёзд.
Отчизны дым и пень героев павших –
Сегодня скалам повторять черёд.

Мужчины силу черпают в Коране.
А верным жёнам дом счастливый дан.
Но вдруг на башнях огонь погаснет втайне.
Тогда сберечь не сможем Дагестан.

Когда светает на вершинах. Снова
Я по привычке в небеса спешу.
Лишь только здесь хлеба родного слова
Со мной разделяет – я о том пишу.

По тропам, где рождалась наша вера,
Соскучившись по небу – вверх иду.
Луна плывёт – сияющая сфера,
С души стирая городскую тьму.

Когда склонюсь над родником под вишней,
Я в небо упираюсь головой.
Свет этот сбереги во мне, Всевишний,
Пусть он в веках останется со мной.

Перевод с аварского
Игоря Тюленева.

Владимир СЕРЕН-ООЛ

Белая дорога

«Чистым будь,
как дорога в родительский дом», –
мама след мой кропила парным молоком,
под крылом не молочные реки суля,
а поля, облаков белопенных поля.

Город белых ночей преподнёс чудеса, –
словно белые юрты над ним – паруса.
И напутствие матери свято хранит
в тополом снегу ленинградский гранит

Вдоль села с Новогоднего бала
без олядки, в метельном бреду,
ты спешила домой и не знала,
что я следом по тропке бреду.

Ошалевшая за ночь поэмка
за тобою захлопнула дверь.
Пёс залаял тревожно и звонко,
словно я – прибудившийся зверь.

Вышла: «Кто там?..»

И в комнатах тёплых
проскользнув в окоёме окна,
чистый лик твой сквозь иней на стёклах
мне светил, как сквозь тучи луна.

Перевод с тувинского
Андрея Романова.

Андрей Кривошапкин

Раздумья у Джугджуря

Лишь шелест деревьев могучих
Здесь звон тишины нарушал.
Лишь ветер, ласкающий кручи,
К вершинам Джугджуря взлетал.

Лишь бился родник, словно венка
На сером виске у горы,
Да тихая песня эвенка
Звучала до поздней поры.

Он шёл по тропе своих предков,
Он жил по законам отцов,
И каждая птица и ветка
Его узнавала в лицо.

Светились костры кочевые,
Как редкие звёзды во мгле,
Рождались и жили живые,
И мёртвые спали в земле.

Шли годы своей чередой,
Века проплывали меж скал.
В гармонии с вечной тайгой
Старинный народ пребывал.

Они б и поныне так жили,
Да вот обнаружилось вдруг:
По золоту люди ходили,
Не грея на золоте рук.

И хлынуло племя иное
На блеск золотого тельца.
Забыли леса о покое,
Забилось зверьё от свинца.

Им было всё мало и мало, –
Одна их злодая печаль.
Седея тайга застонала
От ран, нанесённых снаря.

И нету теперь на Джугджуре
Эвенков, тянущих свой след,
Прогресса безумные бури
Рассеяли их по земле.

Они по асфальту шагают,
Летят над огромной страной.
И все языки они знают,
Но только не знают родной.

Стою у Джугджуря,
И снова
Душа холодеет моя:
Эвенков старинное слово
Вернётся ли в эти края?

Перевод с эвенского
Владимира Фёдоров.

Геннадий АЛАМИА

Поле

Спит утомленная родами пашня.
Призрак зимы промелькнул меж берёз.
Воздух царая, крыльями машет
Старый ветряк, навевая мороз.
Кружится,
Хочет взлететь,
Но напрасно,
Не оторваться ему от земли.

Словом огня кипенье,
Скал и равнин порыв,
И улет в каждом звуке
Благоуханье нив.

Вернусь домой – мерцаешь
Ты в очажь родном,
И уж не тает больше
Блуждать в краю чужом.

Глубь с высью сочетаешь,
Их нет ни у кого.

Может, как зёрна в муку
Час за часом
Время моё перемелется в дни.
Может быть.
Годы летят,
Нет возврата...
Вот уже и отпылал листопад
Пальмы листьями цвета заката
Осень засыпала тропку назад.
Пашня уснула,
И только два стога
В синей, подёрнутой дымкой дали
Светятся,
Светятся в поле над логом,
Как материнские груди земли.
Льются тумана молочные волны.
Высь,
Не тебя ли вскормили они.
Очи России – волнение и тайна.
Стоит сосне на ветру задрожать,
Видится длинных ресниц трепетанье,
Точно от чёрного глаза хранят
Сосен России озёрную воду.
Вечно России сияющий взгляд
Будет пленять чистотою народы.

под городом Псковом.
С неба сквозь хвою на воду скользят,
Голубизна наполняла озёра.
Свет поднебесный,
Лучистая гладь,
Очи России – волнение и тайна.
Стоит сосне на ветру задрожать,
Видится длинных ресниц трепетанье,
Точно от чёрного глаза хранят
Сосен России озёрную воду.
Вечно России сияющий взгляд
Будет пленять чистотою народы.

Утром туманным
под городом Псковом.
С неба сквозь хвою на воду скользят,
Голубизна наполняла озёра.
Свет поднебесный,
Лучистая гладь,
Очи России – волнение и тайна.
Стоит сосне на ветру задрожать,
Видится длинных ресниц трепетанье,
Точно от чёрного глаза хранят
Сосен России озёрную воду.
Вечно России сияющий взгляд
Будет пленять чистотою народы.

Перевод с абхазского
Юрия Уварова.

Борис ГАГИЕВ

Казалось раньше мне, что у других
Народов всё не так, как в нашем крае.
Но нет! Гостей желанных, дорогих,
Как и у нас в Осетии, встречая,
Гостеприимно варит плов узбек,
Грузин вино готовит молодое...
Повсюду человек есть человек:

В семье, в труде, на жарком поле боя.
Все любят отче свои места,
Все знают шум пиров и гул работы,
Их мыслями всё в мире проверяя,
Всем дарит яркие свои щедроты.
Во многих и краях бывать привык,
Запомнил, как звучат слова
приветствий...
Но всё же услышать хочется язык,
Тот, на котором говорил я в детстве.
Мне не хватает земляков моих,
Соседей по аулу... Поминаю,
Что я на всё смотрю глазами их,
Их мыслями всё в мире проверяя,
О как неустрашим их дух во мне!
Я осетин во всём – и слава Богу!
Как осетин, брожу я по стране,
Как осетин, вновь собираюсь в дорогу...

Летают ангелы

У каждого, знаю, своя есть беда, –
Но общая наша беда такова,
Что стала задолго до срока седа
Моя озабоченная голова.

Винить ли себя мне, винить ли других?
Но время распалось, качнулась земля,
Стоим мы на стыке ветров мировых,
О чём-то моля или что-то дела.

Стоим над тесниной, разрушивши мост,
Что спростили мы. Но я видел во сне,
Что ангелы тихо летают меж звёзд, –
И стало спокойней и радостней мне.

Дал трещину дом наш,
истоптан наш сад,
На пустошах сорная всходит трава...
Но если нас ангелы в небе хранят,
– Нас Бог не покинул. Надежда жива!

Перевод с осетинского
Л. Шерешевского.

Арбен КАРДАШ

Родной язык

Родной язык, ты слаще
Всех языков земных...
Старинное зеркало
Ты для страстей моих.

Тесны твои просторы
И прост границ узор,
Но нежность и суровость –
Как тайна до сих пор.

В словах огня кипенье,
Скал и равнин порыв,
И улет в каждом звуке
Благоуханье нив.

Вернусь домой – мерцаешь
Ты в очажь родном,
И уж не тает больше
Блуждать в краю чужом.

Глубь с высью сочетаешь,
Их нет ни у кого.

Звезда лучи возносит
Величья твоего.

Когда бы, по ошибке,
Ты не был мной самим,
Я был бы счастлив – словом
Иль звуком быть твоим.

Перевод с лезгинского
Виктора Лапина.

За окном идёт бесшумный снег,
Словно колебательную поёт.
Я усну, и, может быть, навек
Сердце успокоится моё.

Голос тихий слышится во сне:
«Счастливы ты! Тебе уйти дано
В сторону, откуда сылет снег,
Засыная светлое окно».

Что же снегу я скажу в ответ?
Снег, как мама, мягкий и родной.
Разве я могу ответить «нет»
Небу, где дарован ей покой?

Не могу уйти с тропинки сна,
Скрыться в глубине небытия.
С крыльями свобода мне дана,
Полечу за снегом следом я.

Утром будет спать спокойный дом,
Тихо подойдёт ко мне жена.
Снег, две ночи шедший за окном,
На висках моих найдёт она...

Перевод с лезгинского
Андрея Данкеева.

ААЛЫ ТОКОМБАЕВ

Художнику

Художник-друг, скажи, откуда
Такая мощь в тебе взялась?
Не осыпавшее чудо,
Воспламеняющая власть.

Кто глазу дал такую янственность
И кто подвинул на труды?
О, лучезарных красок страстность,
Сияние живой воды!

Напевы сердца разливают
Ликующее мастерство,
Смотрящий не подозревает,
Что стал он пленником его,

Оно захватывает властно,
И видит каждый – неспроста,
И торжествует громкогласно
Свободная солнечность холста!

Она поёт, она смеётся,
Она – чем дальше, тем сильней,
И ничего не остаётся,
Как снова устремиться к ней.

О неживое, но живое,
Пронизанное синевою!..
Я этим жаром опалён
И, кажется, уже влюблён.

Как тайну эту объясните?
Спросите у её творца:
Где он нашёл златые нити,
Соединившие сердца?

Перевод с киргизского
Марка Ватагина.

Владислав КИРИЛЛОВ

Перистые облака

Что-то облака сегодня перисты...
Пенится небесная река,
И в ненастье сыкатное вертится,
В холода, не близкие пока.
Дух Пери, студёный и неласковый,
Обитает в этих облаках –
Мощь стихии,
Людам не подвластная,
Сила злости в сердце и руках.
Дух Пери – печалей воспарение,
От века удержимый кознодей...
Это время требует смирения
В суетных стремлениях людей.
Кольбешит небо плену мутную
Перистых тревожных облаков.
Даже волки в пору эту смутную
Не кровавят жертвою кляквой.
Тени пролезают на строения,
Тени благоденствуют внутри.
В человеческих смутах, настроенных
Тайно возрождается Пери.
Тёплыми страстями управляются,

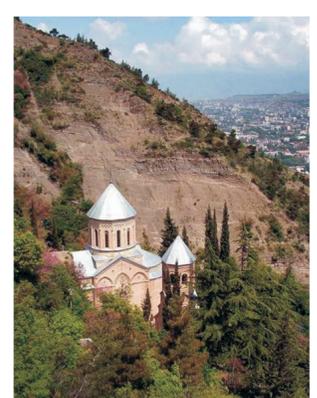
И по тому высокому кресту,
который будет виден за версту,
тебя найду я, поздно или рано,
процусь с тобой, уж если не с живым,
так с мёртвым, чтоб не ныла
в сердце рана.
И по тому высокому кресту,
который будет виден за версту,
тебя найду я, поздно или рано,
процусь с тобой, уж если не с живым,
так с мёртвым, чтоб не ныла
в сердце рана.
И нож возьми, и вырежу я им:
«Здесь кости старика лежат Ивана»,
И больше ничего, тебя любя,
твой сын не сможет сделать для тебя.
Но коль живым застану, то, ей-богу,
в кювет тебе насыплю табаку
и водки в твой стакан плесну немного,

чтоб ты, отец, прогнал свою тоску
и больше не смотрел на сына строго.

А я с тобою рядом посижу
и вот что от души тебе скажу:
негоже нам, пока мы человеки,
хоть и с печалью тягостной в груди,
судьбе несчастной сдавшись,
смежить веки.
Ты насех только ветку не руби!
Да будет так! Теперь – прощай навеки.

Перевод с якутского
Евгения Каминского.

Зал ЭБАНОИДЗЕ

Был поздний вечер, и пришла усталость,
Улёгся сумрак на моём балконе,
Но до сих пор в сознании осталось,
Что сон был чем-то дорогим наполнен:

Я в этом сне был на отца похожим,
Что возвратилась, две войны ославив.
Я шёл за плугом вешиным днём похожим
И вспаханные борозды парили...

Покинутый дом

Мелькает тень чужа в соломе.
Плетью обвила ежевика.
Как знак покинутого дома,
Столбы подгнившие поникли.
Никто здесь зова не услышит,
Лишь ветер покачет ветви,
Да череп конский покоялещет
Иль колокол на спящей церкви.
Здесь тишина сторожоко бродит.
Скучает по шагам тропинка.
И чудится: мелькает, вроде,
Тень человека-небывидки.

Перевод с грузинского
Валерия Латынина.

Диана КАН

Белгородский кисель

«...Разве можете перестоять нас?..
Ибо имеем мы
пищу от земли...»
«Повесть временных лет» –
о белгородском киселе

Горделивой походочкой-лодочкой,
Затаив за ресницами грусть,
Мне навстречу плывут белгородочки,
В чьих бровях раскрывается Русь.

Православная русская вотчина –
На губах и на сердце ожог.
Белгородчина – речка молочная.
Да кисельный крутой бережок.

Здесь разбойные тропы найдены...
Не зазорно здесь – так твою мать! –
Заявляться незвано-непрощенно
За семь вёрст киселя похлебать.

Шли сюда печенег и половцы,
Чтоб вкусить белгородский кисель...
Белгородские добрые молодцы
Провожали незваных отсель.

Провожали незваных-незнаемых,
Что без спросу пришли на постой.
Провожали в закатное зарево
И булатным мечом, и сытой.

Поляница-душа Белгородчина!
Супостату показывай нрав.
Крепость русской державы упрочивай,
Боатырской заставою встав.

